

(1856). Совершил кругосветное путешествие. Участник междунар. конгрессов (1868, 1875), чл. междунар. науч. об-в Англии, Франции, Швейцарии. Собрал ценные мат-лы по этнографии народов Приамурья: нанайцев, удэгейцев, тазов, рус. переселенцев. Умер в Париже.

Соч.: «Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них». СПб., 1868; «Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии». Хабаровск, 1870; «Состав и население Амурского края». СПб., 1871.

ВЕПСЫ (самоназв. – *veps(a)*, *vepsad*), коренное население северо-запада России. Принадлежит к вост.-балт. антропологич. типу с нек-рыми признаками беломорского компонента, что характерно для большинства прибалтийско-финских народов. По данным переписи населения 2002 – ок. 8 тыс. чел.

Формирование вост.-балт. антропологич. типа происходило в результате смешения протоевропеоидных и протолапоноидных типов в пределах обширной терр. – от Балтийского м. до Урала. Метисный (европеоидный с монголоидными компонентами) тип характеризует и более поздние неолитич. племена, появившиеся здесь во 2-м тыс. до н.э. Эти носители археол. культуры ямочно-гребенчатой керамики, чей ареал соответствует расселению прибалтийско-финских народов. А.И. Колмогоров, один из первых исследователей антропологии В., связывал их с летописной «чудью белоглазой». Дальнейшие исследования подтвердили, что известная по археол. и ист. свидетельствам средневековая весь сложилась в процессе развития аборигенного «чудского» населения. На неоднородность расового состава веси указывает наличие монголоидных компонентов, характерное для ее могильников IX–XI вв. Яз. В. принадлежит к прибалтийско-финской гр. финно-угорской семьи яз., наиб. близок к карельскому, финскому и эстонскому. Выделяются 3 диалекта: сев. (прионежские, или шугозерские В. – Карелия); ср. (оятские, шимозерские и белозерские В. – Бабаевский и Вытегорский р-ны Вологодской обл., Подпорожский, Тихвинский и Лодейнопольский р-ны Ленинградской обл.); в средневепском диалекте различают также вост. – куйский (Вологодская обл.) и зап. (Ленинградская обл.) говоры. На

юж. диалекте говорят т.н. ефимовские В. (Бокситогорский р-н Ленинградской обл.).

Компактно населяли Межозерье – пространство между Ладожским, Онежским и Белым оз. (Петрозаводский, Лодейнопольский и Вытегорский у. Олонецкой губ., Тихвинский и Белозерский у. Новгородской губ.). Числ. В., по переписи 1897, 25,6 тыс. чел.

В Карелии, Вологодской и Ленинградской обл. б. ч. совр. вепских деревень расположена чересполосно с русскими. В Ленинградской обл. (в 1981 – 4087 чел.) ср. В. живут в Лодейнопольском р-не (д. Надпорожье, Бор, Ратигора, Вонозеро, Хмелозеро и др.) и в Подпорожском р-не (д. Ярославичи, Берег, Озера, Немжа, Пелдуши, Мягозеро, Лавда, пос. Винница и др.), юж. (ефимовские) В. – в Бокситогорском р-не (д. Сидорово, Прокушево, Радогоща, Пожарище и др.). В 1980-е гг. в этом районе прекратили существование д. Нойдала, Чидово, Ребов Конец и др., их население, гр. шугозерских В., переселилось в рус. д. Пашозеро, Шугозеро, Курбу и Красный Бор; из вепс. сохранилась лишь одна д. Корвала; в Тихвинском р-не – д. Харагиничи, Корбиничи, Усть-Капша, Озровичи. На северо-западе Вологодской обл. (Бабаевский р-н) живут белозерские В. – в куйско-пондальской и пязозерской деревнях (в 1981 – 773 чел.). В 1958–1959 вепс. население вокруг оз. Шимозеро – связующее звено между белозерскими и оятскими В. – было переселено в Юж. Приладожье (Гимрека, Щелейки, Шустручей), Приоятье, г. Подпорожье, Лодейное Поле, Вознесенье, с. Ошту. Наиб. обособлены сев. (шелтозерские, или прионежские) В. (в 1981 – 1854 чел.), живущие в Прионежском р-не Карелии (дер. Шокаша, Вехручей, Шелтозеро, Рыбрека, Другая Река, Матвеева Сельга, Каскесручей). Наиб. компактной и этнокультурно устойчивой гр. являются В. Подпорожского р-на Ленинградской обл. Значит. часть В. в наст. время живет в городах – Петрозаводске, С.-Петербурге, Подпорожье, Бокситогорске, Пикалево, Тихвине, Вытегре, пос. Ошта, Вознесенье, Мегра и др. Гор. вепс. население в 1981 составляло 6714 чел.

Наряду с осн. самоназв. *vepsad* каждая из гр. В. сохраняет локальные этнонимы. Сев. В. наз. себя *ludikel*, *ludikeled* (мн. ч.), подобно одной из локальных гр. юж. карел-людиков; ср. – *vepshaine*, *vepshaiized*, а в обиход-

ной речи и *tahine*, *tagalaine* (здешний); исключение составляют В. Ярославского сельсовета Подпорожского р-на Ленинградской обл., называющие себя *ludimik*, *ludimiked*; юж. и соседние с ними ср. В. – *cuhar*, *cuharid* (чухарь), *vepsbaine*, *vepshaiized*, изредка *beps*, *bepsaiized*.

Этноним *vepsa* известен в карельском, финском и эстонском яз. Существует ряд предположений о его происхождении, в т.ч. от назв. плавника рыбы – *vepsi*, *vievse*, *viepse*, *viesve*. Нек-рые исследователи полагают, что одна из гр. веси (древних В.) упоминается в «Повести временных лет» как *чудь*. Впервые имя *чудь* (*Thiudos*, *Tuidos*, *Thiudi*) упоминается у готского историка Иордана (VI в.), оно сохранилось в совр. разговорном рус. яз. по отношению к В., води, эстонцам, ингерманландским финнам. Этимологию *cuhar* связывают с саамским *cuhe* или коми-зырянским *tsuk-tsi* (глухарь).

Согласно одной из самых распростр. теорий (Д. Бубрих, В. Пименов) В. сформировались в юго-вост. Приладожье, откуда заселили все Межозерье. По др. гипотезе (Т. Утконен), прародина В. помещается западнее, а вепс. яз. сложился в результате деления поздней формы прибалтийско-финского праязыка, из взаимодействия сев. (юго-зап. Финляндия) и вост. (вост. берег Чудского и Псковского оз.) диалектов на терр. Приладожья. На основании археол. данных 1970–1980 подтверждено существование 2 гр. веси: белозерско-шекснинской и судской. Первая была ассимилирована в X–XI вв. в ходе древнерус. колонизации. Судская весь долго сохраняла свою этнич. терр., часть ее была ассимилирована к XIII в., др. была оттеснена в верховья Суды, Ояты и Паши. Именно на этих землях в результате взаимодействия судской веси и близкого ей прибалтийско-финского населения Приладожья произошло формирование совр. В. (А.Н. Башенькин, 1986). В своем продвижении на Онежско-Ладожском перешейке весь частично ассимилировала, частично оттеснила на север живших здесь саамов (лопь). В XI–XIII вв. весь вступила в контакты с пришедшей на Олонечский перешеек из сев. и сев.-зап. Приладожья частью корел и сыграла заметную роль в формировании 2 гр. юж. карел – ливвиков и людиков. Людиковский диалект карельск. яз. обнаруживает большее сходство с вепс., чем с собственно карельским яз. Зап. соседями веси были прибал-

тийско-финские племена ижора, воль, чудь, со стороны Финского зал. – сумь и емь, сев. – корела, лопь, вост. – чудь заволочская и пермь вычегодская, юж. – меря и мурома, а также славянские племена – ильменские словене и кривичи. Сказания о заволочской чуди связывают с всею освоение терр. к северо-востоку от Межозерья – басс. Северной Двины и далее по р. Удоре и Вычегде. Данные антропологии, археологии и лингвистики подтверждают фольклорные и поздние этногр. свидетельства об участии веси и карел в формировании культуры вычегодской перми (предков вычегодских и удорских коми-зырян). Этноним *зырьянин*, *зыр* приписывают прибалтийско-финскому, возможно, вепс. населению. Устаревшая форма *сырьяне*, *сырьяне* восходит к вепс. *sur* (край, конец).

Место обитания веси вблизи важнейших торг. путей, прежде всего водного балтийско-волжского, определило конкретные торгово-экономич. связи, характер политич. и культурных взаимоотношений. Наиб. ранними из них, судя по находкам кладов, была торговля белозерской, судской и приладожской веси с Востоком через Волжскую Булгарию (VIII–X вв.), а затем с Зап. Европой через Ладогу (с IX в.). Свидетельством активного этнокультурного и торг. обмена со Скандинавией считаются сохранившиеся в погребениях того времени скандинавские ювелирные украшения (скорлупообразные фибулы, ладевидные браслеты и др.). Связи веси с балтскими, а также финно-угорскими племенами – мерей и муромой – обнаруживают как археол., так и лингвистич. мат-лы (финно-угорские парные фибулы с пластинчатými и объемными фигурными подвесками в виде уток, балтская с.-х. лексика). В XI в. развиваются устойчивые славяно-вепс. контакты, с этого времени приладожская весь входит в Новгородскую, а белозерская и судская весь – в Ростово-Суздальскую земли. Славянская колонизация приводит к частичной или полной ассимиляции отд. гр. веси. Из рус. погостов, ставших адм.-терр. центрами Обонежья и Белозерья, самыми древними (XVIII в.) в землях веси были 3 погоста на р. Ояти: Юскола, Тервиничи, Вьюница. Видимо, именно движение русских за Свирь и в Заволочье вызвало и ряд миграций веси на север, приведших к ее участию в сложении культуры юж. карел (ливвиков и лю-

Национальный костюм вепсов

дигов). Результатом более поздней миграции (XV в.) на юго-зап. побережье Онежского оз. стало образование совр. гр. сев. В. В писковой книге Обонежской пятицы 1496 названы их сел. на р. Щелейце, Хем-реке, Рыбежне и Ропручье. В XV–XVII вв. терр. В. включала в себя более 10 погостов Обонежья (Озерский, Койвушский, Никольский, Дмитриевский, Пашозерский, Соцкий, Ярославичский, Веницкий, Оштинский, Мягозерский, часть Вытегорского, Андомского и Острянчинского) и Пондольский погост Белозерского уезда.

Рус. колонизация Севера сопровождалась распротр. православия: возведением храмов, часовен, миссионерской деят-стью. Особенно заметную роль сыграла монастырская колонизация, опорными пунктами к-рой с XII–XIII вв. стали монастыри окрестностей Тихвина и Ладоги, а с XIV–XV вв. Коневский, Муромский, Александро-Свирский, Каргопольский и др.

В XVIII в. в связи с Северной войной создаются петровские металлургич. и оружейные заводы, Олонецкая корабельная верфь, оживляется ремесленная и торг. деят-сть, значит. часть местного населения приписывается к стр-ву Петербурга, Кронштадта, крепостных сооружений на побережье и о-вах Балтийского м., речных шлюзов Мариинской системы и др. В XVIII в.

шла консолидация В. как народности, происходящая в условиях продолжающихся ассимиляционных процессов и постепенного сокращения этнич. терр. Гр., расселившиеся из Межозерья, во многом утратили этнич. специфику, приняв участие в этногенезе др. народов. На основании списков населенных мест XIX в., где В. фигурируют как «чудь», «чудь обруселая», устанавливаются ныне исчезнувшие гр. В Прионежье вепским оставалось население известных с XV в. д. Щелейки, Подщелье, Гимрека и деревень по верховьям Свири до р. Остречинка и Ивина на западе; в течение XIX в. обрусели жители д. Варбиничи, Мульвичи, Печеницы, Кукас, Руссконицы, Шапша, Карганичи; до сер. XIX в. около оз. Исаевское и Анциферовское и р. Индоманки жили т.н. исаевские В. (Исаевская вол. Вытегорского у. Олонецкой губ.); большая гр. «обруселой чуди» находилась и на оз. Лача; присутствие чуди в Вологодской губ. (Соль-Вычегодский, Усть-Сысольский и Никольский у.) отмечено в переписи 1897. Компактность, плотность населения и большая сохранность традиц. культуры ср. В. объясняются тем, что потоки рус. колонизации обошли их стороной. Ассимиляцию В. усиливали отсутствие собственной письменности, отхожие промыслы мужчин и их служба в армии, браки с русскими, обучение в школах на рус. языке. В период раннего феодализма культура веси представляла собой одну из земледельч. культур лесной зоны Европ. Севера. Типологич. сходство обнаруживают срубная конструкция жилищ, временных лесных охотничьих и хоз. построек для сушки снопов (риги), косые изгороди, беспорядочная планировка деревень, типы коловых сох, кос-горбуш, рыболовных орудий, туникообразный крой плечевой одежды, орнаментальные сюжеты и мотивы. Хоз-во веси основывалось на подсечно-огневом земледелии, скотоводстве, охоте на кр. лесного (олень, лось, медведь) и пушного (соболь, бобр, лисица, заяц) зверя, боровую и водоплавающую дичь, рыболовстве. Мехами торговали с Сев. Европой, Волжской Булгарией и арабскими гос-вами. В XV–XVII вв. наряду с подсечной системой земледелия существовали лядинная – переходная от подсечной к пашенной – и собственно пашенная с трехпольным севооборотом. Но

подсека оставалась главенствующей и в XVIII в., в остаточных формах она сохранилась у В. вплоть до 1940-х, а в ряде мест и до 1950-х гг. Для работы на подсеке (*kask*) применялся определенный набор орудий: топор, косарь, мотыга, а при использовании лошадей – двузубая соха разных модификаций – от древнейшей *kaskadr* (подсечная соха) до *hamezadr* (соха для пара с полицей), *poudaru* (полевая соха) – и борона-суковатка (*agez*). Достаточно постоянным на протяжении веков оставался состав выращиваемых с.-х. культур: ячмень (*ozr*), рожь (*rugiz*), пшеница (*kagr*), из овощей – репа (*nizu*), из технич. культур – лен (*puuvaz*), хмель (*humal*); позже у рус. были заимствованы картофель, капуста и др. огородные культуры. Длительное время существовал старинный способ сева репы – «плевание» из специальной берестяной ложки. Скотоводство В. основывалось на разведении лошадей (*hebo*), коров (*lehm*) и овец (*lambaz*). Из птиц держали кур (*kana*). Животноводство, как и повсюду на Северо-Западе, было лесным (в пастбищный сезон). Рыболовство имело сезонный характер. Особенно было развито, судя по писцовым книгам, на побережье Онежского оз., на Ояти и в верховьях Свири. В XVII–XVIII вв. рыбаки отправлялись на весенний и осенний лов в низовья Свири и на Ладогу. Наряду с сетями и неводами (*not*), плетенными из льняных нитей, с давних времен применялись ловушки – морды (*merd*), мережи (*meresz*), крючковые снасти. Были развиты домашние ремесла: женские – пряжение, ткачество, шитье, изготовление глиняной посуды – и мужские – деревообработка, плетение из бересты, обработка и выделка шкур, кожи. Профессиональный характер носили кузнечное, медно-литейное и ювелирное пр-ва. Железо выплавляли из болотных руд, самородную медь добывали в районе Юковского оз. Изготавливались сталь, бронза, были широко известны литье,ковка, клепка, паяние, вытягивание медной проволоки. В числе бронзовых (изредка серебряных) ювелирных украшений – височные кольца, фибулы, гривны, цепи, кресты, подвески, браслеты, перстни. О древности местной металлообработки свидетельствуют и данные вепс. яз.: назв. металлов относятся как к общему прибалтийско-финскому субстратному слою (*hobed* – «серебро», *tin* – «олово»), так и к ранним заимствованиям из германских яз. (*kuud* – «золото» и

Вепская изба в д. Еремеев Погост. Карелия. 1930-е гг.

др.). Гончарство с распротр. гончарного круга приобретает ремесленный характер. Складывались местные центры гончарства, из к-рых были известны погосты Соцки на Ояти и Андомский. Существовала обработка камня, рога, кости. В поздний период сохраняли значение звероловство и птицеводство, позволявшие жителям юж. погостов Обонежья выплачивать денежную часть ренты. На Тихвинской ярмарке в XVIII в. продавались лосиные шкуры из Вытегорского и Мягозерского погостов. Традиц. изделия вепс. металлургов и кузнецов – кричное и прутовое железо, уклад (род стали) из Оштинского, Веницкого, Мягозерского, Важенского погостов, Ладвинской и Куйской вол. – пользовались спросом на местных торжках (Вытегорский и Веницкий погосты) и на ярмарках за пределами вепс. земли – в Тихвине, Вознесенье, Шуныше, Олонце, Сердоболе, Петровской Слободе, Белоозерске и Каргополе, в Александровском монастыре, Кириллове, на Валааме. В нек-рых вепс. деревнях изготавливали огнестрельное оружие – «пищали», «винтовки». Гончарный промысел сохранял традиц. характер до 1930-х гг. уже в условиях артельного произ-ва. Под влиянием городской культуры наряду с кухонной изготавливались столовая посуда, детская игрушка и мелкая пластика – фигурки барынь, животных, многофигурные композиции. Важную роль со 2-й пол. XIX в. стали играть заготовка и сплав леса. Сплавщики, как правило, объединялись в артели, а лесорубы работали семьями. Известным с XVIII в. видом отхожего промысла в Прионежье был камнеломно-камнетесный, основанный на разработке месторожд. диабазы и мрамора – т.н. шокшинского порфира. Более замкнутый образ жизни отличал на рубеже XIX–XX вв. юж. В. Осн. занятиями местных крестьян оставались подсечное земледелие, ловля

ценных пород рыб, охота. Животноводство специализировалось на разведении племенного скота.

Согласно топонимич. данным первоначально преобладал прибрежный тип поселения (речной и озерный). Назв. деревень «на озере», «на реке» составляют подавляющее число топонимов; наряду с ними в XVIII в. появляются назв. с основой *seld* – «хребет», число поселений с подобным назв. возрастает по мере освоения водоразделов. Из наиб. ранних типов поселений на терр. В. известен погост (*pagast*), несомненно славянского происхождения. Дер. (*kula*) появилась с кон. XV в. До XVI в. у В. преобладали малодворные поселения в 1–3 двора.

Гр. малодворных деревень, каждая из к-рых имела свое назв., составляла т.н. гнездо с общим назв. с патронимич. окончанием – *la*: *korvala*, *noidala*. Гнездовой тип поселения, деление деревень на концы, запрет браков между однофамильцами – жителями одной деревни и др. признаки свидетельствуют о существовании у В. патронимии. Почти в каждой деревне или гр. деревень имелась часовня, отмечался свой часовенный «заветный» праздник.

Древнейший тип планировки поселений, частично сохранившийся до сегодняшнего дня, – беспорядочный, в прибрежных деревнях – рядовой. Со 2-й пол. XIX в. внедряется уличная планировка деревень.

Наиб. архаич. постройки веси имели столбовую конструкцию, как и у др. народов лесотаяжной зоны Вост. Европы. Пережитком таких построек считают известные в нач. XX в. у В. и карел-ливвиков детские будки для игр – *koda* (ср. финск. *kota*; саамск. *kata*; ливск. *koda*; морд. *kudo* – термины для обозначения древних типов построек). Их сменили срубные полуземлянки. Древнейший тип их – *must pert* – 1- или 2-камерная постройка, топившаяся по-черному вначале открытым очагом, а затем печью без дымохода. Жилища XVII–XVIII вв., именуемые в рус. ист. документах «хоромы», представляли собой уже усложненные 2- или 3-частные постройки, состоявшие из комбинации собственно жилого помещения – избы (*pert*) – с хоз. постройками – клетью и двором. Процесс сложения единого комплекса дома-двора происходил у В. и карел явно под рус. влиянием. В кон. XIX – нач. XX в. наряду с однорядной связью дома-двора, когда изба, сени и двор строились по одной оси, полу-

чила распротр. и Т-образная связь, когда к 2 избам, разделенным сенями, пристраивался двор. Дом (*kodi*) рубился обычно «в угол» или более древним способом – «*koiran kaglu*» («собачья шея»). Под углы сруба устанавливали валуны. У сев. и ср. В. изба строилась на выс. подклете. Очень долго основой для двускатной крыши была самцовая конструкция, при к-рой слези врезались в бревна фасадов. В качестве кровельного мат-ла использовали солому, позже тес, дранку. Широко распротр. были в прошлом потолки из круглых бревен, на смену к-рым пришли широкие тесаные доски. В избе слева или справа от входа ставили рус. печь (*pac*), над шестком к-рой подвешивался котел – т.н. печь с камельком. Печи без дымохода вышли из употребления в 1-й трети XX в. Сохранился обычай париться в печи. Рядом с печью устраивался вход в подпол (*karzin*), имевший форму рундука. Интерьер избы включал встроенные широкие лавки, полати над входом; стол ставился у фасадной стены, там, где размещался «божий угол» – иконы; деревянная лохань с рукомыльником ставилась у печи; в ср. части избы подвешивалась на деревянном оцепе лубяная или плетенная из щепы люлька. Деревянные кровати, лубяные короба, сундуки, шкафы-посудники дополняли обстановку. Нек-рые детали интерьера – деревянные изголовья, устанавливаемые на полу на ночь, обычай прясть, сидя на полу, и нек-рые др. элементы повседневного поведения свидетельствуют об архаич. чертах «жизни на полу». Оберегами от нечистой силы считались ветки можжевельника, щучья челюсть, нож, укрепленные в притолоке двери. Крытый двор, куда вел вход из сеней, обычно строился одноэтажным (юж. В.) или двухэтажным с въездом на второй этаж, где хранили сено, с.-х. инвентарь, домашний скarb. Отдельно ставились амбары (*ait*), сараи, риги с гумном (*rig'*), бани (*kulbet'*), последние в противопожарных целях обычно ставили вдалеке от дома или группировали в одной части деревни.

Специфически вепс. элементом декора резных наличников у сев. В. являются женские антропоморфные фигуры, трактуемые как изображения покровительниц дома. У ср. В. подобные изображения известны на часовнях и церквях. В оформлении конструктивных элементов – «куриц», «конька-охлупня», наличников, а также на надгильных крестах

встречаются объемные изображения птиц и коней. Среди др. архаич. элементов резные – «солнышки», треугольники, квадраты, прямоугольники, «ёлочки».

С XVIII в. началось проникновение в вепс. деревни гор. архит. приемов, их приносили отходники, работавшие на стр-ве С.-Петербурга и др. городов. Влияние барокко, классицизма сказалось на формировании архит. традиции Северо-Запада, на декор. оформлении крестьянского жилища. В кон. XIX в. появляется роспись масляными красками, выполнявшаяся профессиональными сельскими ремесленниками, – на дверях, ставнях окон, внутри избы на перегородках, отгораживающих кухонный угол, на дверцах шкафов. В основе живописных композиций – солнечные знаки и растит. сюжеты; цветущее дерево, куст, вазон с цветами и т.п. Одним из лучших образцов крестьянского домостроительства считается дом И.И. Мелькина в с. Шелтозеро, где ныне размещается уникальный сельский музей вепс. нар. культуры.

Традиц. одежда В. на рубеже XIX–XX вв. имела мн. общего с карельской и сев.-русской. Шилась в основном из льняной, полушерстяной и шерстяной дмотканины, позже получили распротр. хлопчатобумажные, шелковые и шерстяные фабричные ткани.

Женская рубаха

Древнейший (предположительно с XI в.) комплект девичьей и женской одежды, преобладавший в Прионежье и на Ояти, состоял из рубахи и юбок. Ниж. часть рубахи (*racciu*) – станушка (*ema*) – шилась из грубого льняного полотна, а верхняя (*hijamat*) в кон. XIX в. – уже из фабрич-

ной ткани. Бытовали разл. типы рубах: широкие рукава одних шились с ластовицей и собирались чуть ниже локтя в мелкую сборку, обычно они пришивались либо к вороту, либо к прямоугольной кокетке. По праздникам рукава таких рубах украшали широкими цветными лентами с бантом. Др. тип рубах имел круглую вставку – «воротушку». Подолы украшались монохромной – красной – вышивкой двусторонним швом. Ниж. юбки (*poutnasine jupk*) из неск. полотнищ льняной дмотканины с вышивкой на подоле присборивались у пояса. Верх. полушерстяные или шерстяные юбки имели продольно- или поперечнополосатый рисунок с цветной каймой, к-рая иногда достигала $\frac{2}{3}$ всей длины. У юж. В. подол праздничной верх. юбки затыкали за пояс т. о., чтобы была видна орнаментированная часть рубахи. Сев. В. надевали по праздникам несколько рубах так, чтобы вышитые подолы располагались один над другим. Поверх юбок носили ремни или передники с поясами. Предполагают, что предшественницей юбок у В. была несшитая поясная одежда – *hurstuhame* – «юбка из дерюги», родственная подобной у ижоры и карел. Более поздний сарафанный комплект женской одежды включал синий, кубовый сарафан – *krasik, sarafof*, к-рый в нач. XX в. носили уже только пожилые женщины. На смену юбочному и сарафанному наряду пришла т.н. парочка, состоявшая из верх. кофты-казачка и юбки из фабричных тканей. В качестве украшений носили стеклянные бусы, металлические кольца и серьги; из старинных шейных украшений – борки и бусы из белемнитов. Головные уборы замужних женщин – сороки, сборники, повойники – шили из ярких шелко-

Стеклянные и сердоликовые бусы, металлические украшения

вых, парчовых тканей, с очельем и за- тылочной частью, украшенными вы- шивкой из золотых нитей с бисером и блестками. Для одежды девушек и молодух была характерна богатая вышивка с растит., орнитоморфным узором на подолах рубах и юбок.

Мужская праздничная рубаха

Мужской костюм состоял из рубахи и штанов. Дополнялся шейными платками. Рубахи-косоворотки (*kos-sarind*) шились из пестряди. На свадьбу жених надевал белую льняную рубашку и белые порты с бахромой по низу штанов, украшенные двусторонней красной вышивкой. Непременные детали мужского и женского костюма – плетеные и тканые пояса с кистями на концах; холщовые паголенки – *kalzud*, обвязанные вокруг ног тонкими ткаными тесемками или веревками; вязанные одной иглой шерстяные рукавицы и носки сохраняются до наст. времени. Зимой носили зипуны из шерстяных и полушерстяных тканей, балахоны (*balafon*), кафтаны, кофты, штаны. Женщины надевали поверх головного убора теплые платки. Осн. обувью были сапоги, а для работы – летом – берестяные лапти (*virzud*) и ступни. Мн. компоненты костюма обладали сакральной функцией. Оберегами были пояса, их носили постоянно под одеждой; известно употребление новобрачных пояса из сети с амулетом из высушенной щуцьеи головы; расстиланье пояса в первый день весенней пахоты и др. Сложный символич. характер имели обычаи вытирать новобрачную подолом рубахи свекрови, заворачивать новорожденного в рубаху отца или матери, гадания с обувью и мн. др. До сих пор сохраняется обычай шить похоронную одежду из светлой (белой) ткани. Документы времен включения вепс. земель в состав рус. княжеств упоми-

нают у В. племена и общины, от имени к-рых монастырям продавались пашенные и сенокосные угодья, неосвоенные участки земли. Границы общин совпадали с более поздними границами погостов. Первые достоверные сведения о вепс. общинах приведены в посольной грамоте Ивана IV, где сообщается о таковых в Оште, Лавде, Шимозере. Соседская сельская община вепсов *obssestv* – об-во, мир – формировалась в XV–XVI вв. под явным воздействием рус. общины. Она сохраняла традиц. систему родственных и свойственных связей. В ее владении находились коллективные пастбищные, сенокосные и рыболовные угодья, леса. Как хранитель обычного права община занималась распределением общинных земель, выполнением совместных с.-х., строит., ремонтных работ, наймом на работу и т.п. Рус. администрация использовала юридич. роль общины, придав ей общие для всего Северо-Запада черты: община избирала на сходе (*suim*) старост, сборщиков казенных налогов – «целовальников» («Наказ» 1612), «судеки», мирских дьячков и приходских священников; она же разрешала споры между крестьянами, оказывала помощь малоимущим, собирала мирские деньги на нужды общины. Община-погост была и единой религиозной структуры, имея свой церковный или часовенный приход, праздник, кладбище. Община определяла повседневное и обрядно-ритуальное поведение своих членов, религиозно-нравственные установки и общественное мнение (круг брачных связей, семейные, календарные и общинные праздники, обычай круговой поруки и т.п.).

Предполагается, что у летописной вепсы преобладала патриархальная парная семья – *kanz*. К кон. XIX в. малая семья стала господствующей. Процесс распада больших семей происходил неравномерно у разных гр. В.; архаич. черты семейных отношений дольше сохранялись у юж. В. Главой большой семьи был старейший мужчина – дед или отец – хозяин (*izand*). Хозяин имел очень высокий статус, именно он руководил всей хоз. и общественной жизнью семьи. Хозяйка (*emag* – большуха) отвечала за домашние работы: уход за скотом (кроме лошадей), домом, приготовление пищи, шитье одежды. Положение женщин и мужчин было достаточно равноправным, а в XIX в. массовое отходничество мужчин, когда все сельские работы брали на себя женщины,

делало их полновластными главами семей. При вступлении в брак девушка получала от своей семьи приданое (одежда, ткани, утварь, скот), бывшее ее собственностью. Вдова имела право на возврат приданого, а бездетная вдова могла рассчитывать на пожилое – заработок за прожитые годы в семье мужа. Существовало примачество, обычно в зажиточных семьях, где положение примака (*koda vatu* – домашний зять) было вольнозависимым. Примак-вдовец имел право на возвращение своего приноса и пожилое. Наряду с договорным браком, аналогичным рус. бракам по сватовству, еще и в нач. XX в. существовали архаич. формы самовольных браков молодых уводом.

В 1920–1930-е гг., в период нац.-гос. и культурно-яз. стр-ва, были созданы Шелтозерский в Карелии и Винницкий в Ленинградской обл. вепс. нац. районы и 15 нац. сельских советов в Ефимовском, Оятском, Шольском и Оштинском р-нах (1927). Стали открываться школы и др. учреждения культуры на селе, в 1931 была создана вепс. письменность на основе латинского алфавита, началось преподавание на вепс. яз. в школах Ленинградской обл. В Ленинграде, Петрозаводске, обл. городах началась подготовка нац. кадров учителей, работников культуры, др. специалистов. Перемены сказались на уровне грамотности и этнич. самосознания В.: по переписи 1926, числ. В. составила 32 773 чел.; в 3 раза по сравнению с 1897 увеличилась грамотность (35,7%), особенно среди прионежских В. В кон. 1937 деят-сть по нац.-культурному развитию была прекращена; видные представители вепс. интеллигенции, мн. партийные и сов. работники были обвинены в национализме и репрессированы; прекратилось преподавание в школах на родном яз., нац. учебники и лит-ра были изъяты. Винницкий нац. р-н и нац. сельсоветы утратили свой статус; Оштинский и Шольский р-ны были присоединены к создаваемой Вологодской обл. Шелтозерский нац. р-н Карелии существовал до 1956. Процесс направленной гос. ассимиляции нашел отражение в переселении В. в 1950–1970-х гг. из «неперспективных» дер. Ленинградской и Вологодской обл. Все это сказалось на демографич. и этнопсихологич. состоянии народа, серьезный урон был нанесен этнич. самосознанию (практика записи В. русскими при выдаче паспортов; пренебрежительное отношение к яз., культуре, исто-

рии В.). Миграция в города привела к увеличению вепс. гор. населения и его быстрой ассимиляции, сокращению этнич. терр. Деформируется половозрастная структура вепс. села. Молодежь утрачивает родной яз.: по данным обследования 1983, примерно 50% молодежи считали родным яз. русский, лишь 30% – вепский.

С кон. 1980-х гг. объединились усилия науч. и творческой общественности и самих В. не только в изучении их истории и культуры, но и в решении проблем дальнейшего существования народа. В 1987 прошли первый нац. праздник «Древо жизни» и науч.-практ. конференция «Проблемы сохранения языка и культуры вепсов».

Лит.: Ефименко П.С. Заволочская чудь. Архангельск, 1869; Майков В.И. Приютская чудь (весь-вепсы) // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 2, № 6; Барсов Е.В. Об олонекских древностях // Олонекский сб. Петрозаводск, 1894. Вып. 3; Малиновская З.П. Из материалов по этнографии вепсов // Тр. комиссии по изучению племенного состава. 1930. Вып. 16; Дебец И.Ф. Вепсы // Уч. Зап. МГУ. М., 1941. Вып. 63; Азовская Л.П. О верованиях вепсов // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1947; Богданов Н.И. Народность вепсы и их язык // Тр. Карел. фил. АН СССР. Петрозаводск, 1958. Вып. 12; Вепсы // Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. 2; Пименов В.В. Вепсы. Очерки этнической истории и генезиса культуры. Л., 1965; Peterson A. Die Wepsen im Aufand des 20 Japrhnderts // Zur Finnon-grischen volkskunde. Tallinn, 1985; Кочуркина С.И. Сокровища древних вепсов. Петрозаводск 1990; Винокурова И.Ю. Календарные обычаи, свадьбы и праздники вепсов (кон. XIX – нач. XX в.). СПб., 1994.

Фольклор В. В вепском фольклоре нашли отражение многочисл. этнич. контакты древнего племени весь и его потомков, В. Он имеет параллели с фольклором балтийских и финно-угорских народов (коми-зыряне, манси, саамы). Особо тесны взаимосвязи фольклоров В. и карелов, В. и русских. Вепский фольклор существует на 2 яз. – родном и русском. Пласт на рус. яз. исследователи трактуют как «русский фольклор, исполняемый В.». Но это явление более сложное. Фольклор В. на рус. яз. сохраняет присущую только В. специфику восприятия мира и специфику трактовку заимствованного языка. Система жанров фольклора В. специально не изучалась. Записывались

и публиковались в основном сказки, пословицы, загадки.

Н.Ф. Онегина выделила 252 известных В. сказочных сюжета: 113 сюжетов сказок-анекдотов, 76 – волшебных, 34 – о животных, 24 – новеллистич., 5 – с легендарным сюжетом.

В сказках В. мн. междунар. сюжетов, распростр. сказки вторичного образования, связанные с лубочными изделиями, печатными сборниками, трансформацией авторских сказок. В сказках В. отразились черты архаичного мышления: мифологичность, фантастичность сюжета сочетаются в них с реалистич. описаниями быта, поведения героев. Движущей силой сказочной драматургии часто являлся диалог героев вопросно-ответного характера. Толчком для развития сказочного сюжета служили суеверие, бытовое наблюдение, анекдот и даже загадка, к-рые нередко переосмысливались в мифологич. аспекте. Наиб. распростр. волшебные сказки с социальными и семейными конфликтами (особенно сюжеты о невинно гонимых героях); о змееборцах, о добывании героем жены (и диковинок). Любимы также сказки с мотивами спасения героев от ведьм. В жанре новеллистич. сказки В. пересказывали известные сюжеты рус. сев. былин, особенно часто – из цикла об Илье Муромце.

У В. 3 типа сказителей: эпика, новеллисты, сказители для детей. Последняя гр. наиб. многочисленна – преим. это женщины старшего возраста, хранительницы небольшого кол-ва сказок, к-рые они рассказывают детям зимой в доме, возле горячей печи. Сказители второго типа – мужчины и женщины разных возрастов, преподносящие слушателям сюжеты как театральные миниатюры: выразительно передают речевые интонации героев сказки, подкрепляя их минимумом мимики, скупым по выразительности жестом. При этом исполнитель зорко наблюдает за реакцией слушателей, на ходу приспосабливаясь к вкусам аудитории. Сказочники-эпики встречаются нечасто. Их исполнительская манера порой восходит к ритуальному поведению – отрешенность от рассказываемых событий, неподвижное лицо и корпус, полное отсутствие жеста, взгляд как бы обращен «в себя».

Жанры нар. прозы представлены также преданиями. Их рассказывают преим. мужчины ср. и пожилого возраста на вепс. и рус. яз. Распростр. этиологич. предания о заселении и освоении края – мотивы

узнавания соседей-переселенцев друг о друге, о появлении нов. жителей (беглых крестьян, солдат, казаков) на терр. края; об основании нов. деревень в результате переселения рода, о выборе места для строения церкви. Изредка можно услышать предания о чуде как о предках В. В гр. преданий о силачах яркие мотивы потери недюжинной физич. силы из-за честолюбия. Наиб. любимое предание о том, как Петр I дал В. название «кайваны» – в результате комич. яз. ситуации.

Популярны «суеверные» рассказы – о взаимоотношениях людей и «хозяев» дома, бани, леса, озера, их жен и детей; о проклятых людях, особенно детях. Считалось, что вернуть проклятого человека можно только с помощью колдуна, заговоров, принесения жертвы – подарка «хозяину» стихий. Подобные истории рассказывали детям в назидание, но они были популярны и среди взрослых. Рассказы о чертах примыкают к сказкам-анекдотам, это исключительно мужской жанр.

Широко распростр. пословицы. В наст. время их известно 4937. Среди них значит. кол-во международных; мн. пословиц, калькированных с др. яз. – рус., карел., эстон., фин., водско-го, ливского; известны пословицы – цитаты из Библии и античной лит-ры. По наблюдениям В. Мялк, 667 пословиц В. не имеют аналогов в иных культурах. Структура пословиц преим. двухэлементна; важная стилистич. черта – конечный ассонанс.

Жанр загадок выявлен неполно. Науч. лит-ра обращена только к вепскояз. образцам, хотя в ходу загадки и на рус. яз. Загадки имели дидактич. направленность и предназначаются детям. Объекты загадок – человек, предметы быта и ремесла, лес, домашние и лесные животные. Предполагаемый предмет или явление описывался посредством пространственно-звуковых и цветовых характеристик. Загадки могли внедряться в сказки, особенно о животных, в поговорки и даже песни. Интернациональные загадки, многочисл. у В., адаптируясь, приобретали специфич. этнич. черты. По структуре загадки подразделяются на 2 гр.: лаконичный вопрос-тест; вопрос с предполагаемой подсказкой. В загадках второго типа обе части текстов равны по кол-ву слогов или вторая примерно в 2 раза короче первой; важную роль в ритмич. и звуковой структурах загадок играют аллитерации и ассонансы, в т.ч. конечные.

Заговоры в фольклоре В. и сегодня являются жанром, табуированным для нефункционального исполнения. Известны лечебные, магич., промысловые, оградительные заговоры. Их исполнение всегда сопровождается магич. действиями, в к-рых используются вода, соль, вино, табак, сахар, носовые платки и полотенца, венки, а также амулеты (коготь рыси, медведя, кусочек смолы и т.п.). Заговоры могут иметь прозаич. и поэтич. тексты, произносятся вслух, шепотом и «про себя». Исполняются как на вепс., так и на рус. яз. В вепс. деревнях наряду с общинными исполнителями заговоров существовали знахари, к-рые специализировались в узких обл. магии – лечебной, любовной, промысловой и т.д.

Фольклор В. начал собирать в 1824 фин. акад. А.И. Шегрен, «первооткрыватель» В. для науки. Продолжал его работу фольклорист, языковед, создатель эпоса «Калевала» Э. Леннрот, опублик. в 1853 мат-лы своей эксп. к приютским В.

На протяжении XIX и нач. XX в. фольклор В. записывали и публиковали фин. лингвисты – Е. Сетеля и Ю. Кала (эксп. 1888–1889), Л. Кеттунен (1917–1918, 1934), Л. Пости (1934, совместно с Л. Кеттуненом), А. Сивиярти и Р. Пелтона (1943). В годы Второй мировой войны вклад в изучение вепс. фольклора сделали финские учителя Ю. Рейнис, О. Хакулинен, Ю. Перттола. Фольклор В. изучают эстонские исследователи П. Алвре, К. Салве, А. Кяхрик, Т.-Р. Вийтсо, А. Хуссар, М. Йоланд. Обширные коллекции собраны рос. и карел. учеными: С.А. Макарьевым (1935), Г.Е. Власьевым (1937), М.М. Хямялайненом (1930–1960-е гг.), Н.И. Богдановым, М.И. Мулонен, а также подвижником вепс. культуры Р.П. Лониным. Карел. ученые Н.Ф. Онегина и М.И. Зайцева выпустили «Вепские народные сказки». В последние годы эстонская исследовательница В. Мьялк обобщила и опубликовала весь имеющийся в архивах Финляндии, Эстонии, в рос. изданиях мат-л, а также собств. полевые записи по пословицам В.

Лит.: Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965; Вепские народные сказки / Сост. Н.Ф. Онегина, М.И. Зайцева. Петрозаводск, 1966; Зайцева М.И., Муллонен М.И. Образцы вепской речи. Л., 1969; Северные предания / (Беломорско-Обонежский регион) /

Сост. Н.А. Криничная. Л., 1978; *Vepsa vanasonad, Etsti, vadja, liivi, karjala ja vene vastetera*, I–II. Koostanud V. Malk, A. Hussar, A. Kahrik, T.-R. Viitso. Tallinn, 1992. **Музыка В.** Традиц. муз.-поэтич. культура В. сформировалась на землях Онежско-Ладожско-Белозерского межозерья. В ней прослеживаются параллели с архаичными пластами культуры прибалтийско-финских (эстонцы, воль, ижора, карелы) и др. финно-угорских (коми-зыряне, сев. удмурты, мордва-мокша, марийцы), а также балтийских (литовцы) народов и мощное влияние русской культуры. В свою очередь, она оказала воздействие на формирование традиц. культуры локальных этногр. гр. населения Севера России: русских – пудожан, заонежан, вологжан, каргополов, кенозер, пинежан и финно-угров – карелов-людиков, карелов-ливвиков, тихвинских карелов, ижемских и удорских коми.

В наст. время центрами музыкально-поэтического творчества в Прионежье являются с. Шокша, Матвеева Сельга, Рыбрека-Шелтозеро (сев. В.); в Приютье – с. Ладва и Шондовичи, пос. Озера и Пелдуши, д. Вонозеро (ср. В.); в Белозерье – пос. Пондала, Сидорово, Боброзеро (юж. В.). Еще в 1950-х гг. развитая традиция существовала у В. с. Шимозеро (ныне они проживают в селах Прионежья и Приюрья дисперсно), а в XIX в. – у обрусевших вытегорских (т.н. исаевских) В. Наиб. сохранностью отличается музыка ср. В., живущих относительно компактно. Хранителями песенной традиции являются пожилые женщины, объединяющиеся в ансамбли по 2–10 чел., инструментальной – гл. обр. мужчины среднего и старшего поколения, а также пожилые женщины и мальчики.

Музыка В. отличается специфич. набором жанров. Наряду с причитаниями, свадебными, лирическими протяжными, плясовыми, игровыми, колыбельными (*байки*) песнями бытуют т.н. календарные и лесные выкрики, призывы животных, песни-сказки, дразнилки, потешки, короткие песенки, песни-романы, заговоры. Как у карел (ближайшего родственного этноса), у В. нет календарных песен. В то же время отсутствие эпич. песен отличает В. от др. прибалтийско-финских народов, напр. от карел и ижоры, у к-рых эпич. песни существуют внутри рунич. традиции, не свойственной фольклору В. В рамках календарных обрядов у В. зафиксированы нисходящие узкообъемные

выкрики, с помощью к-рых интонируются тексты на вепс. Яз., имеющие иногда стиховую форму; структура последних соответствует магич. формулам жертвоприношения (напр.: «Я тебе это, ты мне то»). Она приурочена к Рождеству, Петрову дню, ко времени сжигания костриky льна осенью, к весенним работам по подготовке подсеки (призывы ветра). Неприуроченные выкрики в лесу – «уканья» – мужчины исполняют на вепс. и рус. яз. в манере, напоминающей уханье совы; в женских «уканьях», имеющих напевный характер, каждый звук имеет фиксированную высоту. Призывы домашних животных интонационно и ритмически соответствуют аналогичному слою в традиц. культуре русских Севера.

Причитания – наиб. распротр. жанр архаичной муз.-поэтич. культуры В. Различаются погребальные, поминальные, свадебные причитания и причитания «на случай», к-рые звучат на вепс. и рус. языках (у прионежских В. только на русском); в них сохранились черты культа предков, элементы языческой обрядности. В вепско-язычной причети частично сохранилась система табуирования терминов родства, половозрастной терминологии. Тексты причитаний имеют развитую систему поэтич. параллелизма, аллитераций, ассонансов. Среди причитаний белозерских В. эстонская исследовательница И. Рюител различает 2 типа: первый – со строкой, приближающейся к речевой фразе (исполняются на вепс. яз.), с нисходящим направлением мелодии, неопределенной звуковосотностью последних слогов (произносятся на выдохе, почти шепотом), нестабильным интервальным составом, несформировавшейся ладовой структурой, в «разговорной» тесситуре; второй вид – вероятно, заимствованный у русских Вологодчины и иногда исполняющийся на рус. яз., интонируется в более высоком, «певческом» регистре, имеет более стабильный звукоуряд и интервальный состав, 1- или 2-стиховую форму. Причитания приютских и прионежских В. имеют устойчивую интонационно-ладовую структуру, строфич. (тирдную) форму стиха, «разговорную» тесситуру. Причеть всегда исполняется сольно. В недалеком прошлом причитывать умела практически каждая вепянка, но при этом существовали и существуют сегодня профессиональные плакальщицы – обычно пожилые, уважаемые в селе женщины.

Песни-сказки прионежских В. исполняются женщинами старшего поко-

ления в качестве детских потешек и могут включаться в виде эпизодов в байки о путешествии героя за дарами в иной мир, принесения им жертвы, причем могут быть связаны с этимологич. мифами (всего ок. 10 сюжетов). Поэтич. тексты восьмислоговой нормы, широко распростран. в фольклоре карел, коми, финнов-ингерманландцев, эстонцев и др., обычно связаны с речитативными напевами плясовых или игровых песен небольшого диапазона.

Песни В. сегодня в подавляющем большинстве исполняются на рус. яз. и в целом представляют собой заимствованный культурный пласт. Лирич. песни обычно приурочены к свадебному обряду и, «законсервированные» рамками обряда, сохранили первоначальный вид именно у В., в то время как у русских они развивались в сторону композиционного усложнения и увеличения распевности. Тексты их лаконичны, нередко в рамках одной песни контаминируются зачины нескольких разных рус. песен. Среди свадебных песен в целом распростран. получили прощальные, напр. «Из-за лесу, лесу темного», «Полно, Машенька», песни-романсы. Немного числ. величальные встречаются только в пограничных с русскими селами Матвеева Сельга, Шокша в Прионежье, Ярославичи, Ратигора, Вонозеро в Приютье, др. Песни рус. свадьбы у В. бытуют и самостоятельно, и исполняются ансамблем. Звучание ансамбля напряженное, «плотное», с носовыми призвуками (особенно в традиции Прионежья). Критериями красоты звука в нар. понимании являются его протяженность, непрерывность, «перетекаемость», полетность. В Прионежье практиковалась традиция единого запева для всех существующих в селе ансамблей, в т.ч. девичьих. В исконно одноголосную вепс. муз. культуру вместе с разл. песенными жанрами проникли и элементы многоголосия – гетерофонные включения, терцовая втора. Песня «Росынька» – самый яркий образец песенной культуры В. – исполнялась 2 запевалями, поочередно вступающими на фоне бурдона. Распростр. в последней трети XIX в. рус. песни-романсы преим. с трехдольной ритмикой. основной исполняются на рус. и в переводе на вепс. яз.

Специфически вепс. жанром являются *люхот пайёт* – короткие песенки с 4-строчным стихом (на обоих яз.) и протяжным, медленным напевом. Обычно их пели девушки и женщины в лесу во время сбора малины,

Праздничные сани

на сенокосе. Частушки, плясовые песни близки аналогичным жанрам рус. населения Севера, нередко исполняются под балалайку, гармонию. Исконный муз. инструмент В. – *кандел*, или *кяндла*, – вариант общего прибалтийско-финского струнного щипкового инструмента *кантиле*; имеет форму «с открылком», характерную для тех этнич. гр., к-рые на протяжении веков имели тесные контакты с рус. населением новгородских и псковских земель (по мнению эстонского этнографа и органиста И. Тынуриста). Кандел, на к-ром играли приемом бряцания, гл. обр. сопровождал пляски. Центр. место в традиц. инструментальной культуре В. занимали, по наблюдениям И.В. Мацеевского, аэрофоны – разл. виды реликтовых финно-угорских инструментов, пастушеских и охотничьих по происхождению и отчасти сохранивших свои прикладные функции. Это виды флейт – окарины, тростниковые дудки, манки из птичьей кости, а также берестяные рожки, натуральные трубы и др. В 1936 в с. Шелтозеро был создан вепсский хор, основанный В.И. Кононовым.

Стилистика и функционирование осн. жанров муз.-поэтич. культуры В. воспроизведены в хоровом цикле эстон. композитора В. Тормиса (1983), напевы вепс. песен используют в своих произв. композиторы Карелии В.А. Кончаков (симфонич. сюита «Вепские напевы», 1978), Г.А. Вавилов, А.С. Белобородов.

Лит.: Vaisanen A.O. Vepsalainen kantele. Eripainos Kalevalaeuran vuosikirjasta 14, 1934; Сто русских народных песен / Под общ. ред. Ф.В. Соколова. Л., 1970; Лапин В.А. Русская песня у вепсов // Муз. наследие финно-угорских народов. Таллин, 1977; Tonurist J., Kannel Versamaast

Setumaani. Там же. Резюме на рус. яз.: Кантеле от земли вепсов до земли сету; Кондратьева С.Н. Карельская народная песня. М., 1977; Васильева Е.Е. Вепсская мелострофа в межжанровых отношениях причетной традиции. Симпозиум-79 по прибалтийско-финской философии. Петрозаводск, 1979; Мацеевский И.В. О финно-угорских реликтах и параллелях в русской инструментальной музыке // Финно-угорский муз. фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин, 1980; Рюйтель И., Реммель М. Опыт нотации и исследования вепских причитаний. Там же; Семакова И.Б. К вопросу о существовании мифологического эпоса у северных вепсов // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. Петрозаводск, 1993.

Танец В. Вепс. хореография прошла тот же путь, что и карельская (см. *Карелы*). Правда, *контры* и им подобные танцы, по свидетельству стариков, В. не исполняли, основой праздничных вечеров была *кадриль*. В Шелтозере юноша мог начать кадрили с одной девушкой, через фигуру пригласить другую, а закончить с третьей. Сохранились воспоминания о танце *блансе*. В 1930-е гг. у В. сложились танцы «Шестерка» и «Восьмерка» (позднее «Шестерка» вошла в программу вепсского хора). В. легко отказывались от старых танцев и переходили к нов. И этому была причина. Почти все мужчины с апр. по окт. уходили на отхожие промыслы в Петербург, Петрозаводск и др. города. Возвращались с нов. песнями и танцами. Нарядно одетым (кофты с рюшами, широкие юбки с поясом, высокие ботинки, ленты, шали) вепс. девушкам все лето приходилось танцевать друг с другом. В «Шестерку» выходили 4 девушки и 2 парня, в «Восьмерку» – 6 девушек и 2 парня. В «дразнилках» *сякки-вариякки* участвовали одни девушки, они потешались над юношами, к-рые не осмеливались их пригласить. У В. независимое, заносчиво-горделивое исполнение танцев.

ВЕРБОВ Григорий Давыдович (1909–1942), этнограф, исследователь ненцев. Родился в Мокше в семье полярника (в 1924–1925 отец В. руководил полярной ст. на Новой Земле). Учился в Ин-те народов Севера, Ленинградском ун-те, в 1931 окончил этногр. отделение. В 1930–1931 – первый зав. Большеземельским красным чумом и препода-